

Она услышала эту историю во время случайной беседы с покойным императором и без раздумий дала ребёнку имя «Ванъэр» — ведь Шангуань И славился стилем «изысканным и очаровательным, открывшим новую эпоху», а ей самой император Тайцзун когда-то даровал титул «Прелестная госпожа». Хотя это прозвище происходило из народной песенки и было связано с дворцовыми тайнами, она никогда не питала к нему особой симпатии. Однако в тот день, услышав от покойного императора слова «изысканный и очаровательный», она неожиданно вспомнила свой титул и, не задумываясь, назвала так ребёнка.

Вскоре после того как Ванъэр получила своё имя, её отца казнили, а семью сослали. Хотя она и не забыла об этой дочери преступника, поручив Дворцу Етин присматривать за девочкой, но никогда не уделяла малютке особого внимания.

Девочка росла в Дворце Етин, пока не стала достаточно взрослой, чтобы бегать по всему дворцу. Как дикий конь, она носилась по Внутреннему двору и однажды даже промелькнула у неё перед глазами.

Впервые ребёнка, прятавшегося в тени, чтобы украдкой наблюдать за её кортежем, сразу заметили слуги. Тогда из-за юного возраста Ванъэр она не придавала этому значения, но с тех пор девочка постоянно появлялась в её окружении. Изящное бледное личико становилось всё больше похожим на лицо деда, и распознать его становилось легче. Однажды, когда Тайпин только оправилась после долгой болезни, она вместе с покойным императором устроила в павильоне Сянлуань праздничный пир, и эта девочка осмелилась пробраться аж к Академии Хунвэнь.

Она увидела её. К тому времени Лю Ичжи и другие уже были избраны покойным императором академиками Хунвэнь, им дозволялось входить через Северные ворота и являться на аудиенции для советов — совсем как молодому Шангуань И. А внучка Шангуань И робко стояла там, где когда-то служил её дед, и в тревоге смотрела, как она смеётся и беседует с преемниками Шангуань И.

В ней внезапно зародилось желание подразнить ребёнка, и она, указав на десятилетнюю девочку, с улыбкой сказала новоиспечённым академикам: «Даже дворцовая служанка стремится к литературе — вот каков ныне дух времени».

В отличие от высокомерия Шангуань И и его окружения, несколько придворных тут же принялись сыпать лестными словами, восхваляя её прозорливость и глубокую добродетель.

Она знала: дело не в том, что Шангуань И был принципиальнее Лю Ичжи, а в том, что тогда её авторитет был неизмеримо выше, чем в день, когда Шангуань И составлял указ о низложении императрицы. Вообще-то она не только не питала к Шангуань И неприязни, но даже ценила его талант. Однако по сравнению с её собственной властью жизнь семьи Шангуань И ничего не стоила.

Шангуань И своей кровью явил миру её незыблемый авторитет.

В тот день настроение у неё было прекрасное, и она запомнила эту маленькую девочку. Приказав разузнать о жизни ребёнка, она обнаружила, что та, хоть и выросла в Дворце Етин без учителей и наставников, была умна и сметлива, ничуть не уступая деду Шангуань И. В ней пробудилась любовь к таланту, а также смутное, невыразимое чувство. Ей стало любопытно, как внучка Шангуань И вырастет во дворце, сможет ли пригодиться в будущем. Даже если нет — изредка уделять внимание этой малютке было бы безобидным и нетрудным развлечением.

И вот она тайно велела лучше заботиться о ребёнке, позволила ей увливать от тяжёлой

работы и тайком читать книги. Она сократила госпоже Чжэн рабочие смены, чтобы у невестки семьи Шангуань было больше времени учить дочь.

Она спокойно ждала, пока девочка изучит каноны, заучит гимны, освоит письмо и постигнет ритуалы. Ум ребёнка превзошёл её ожидания: к тринадцати-четырнадцати годам та уже в совершенстве знала ритуалы и правила, стихи и прозу, — даже наследники знатных родов, получившие домашнее воспитание, не могли сравниться с этой самоучкой.

Когда Ваньэр подросла и стала способна отличать добро от зла, она решила взять её к себе, чтобы воспитать лично.

В молодости она провела в холодном дворце почти десять лет и от скуки развлекалась верховой ездой и объездкой лошадей, потому хорошо знала, как приручить строптивого коня.

Обычного норовистого коня можно взять железным кнутом, а для более строптивых потребуется железная дубинка. Этими двумя орудиями можно укротить девяносто девять из ста лошадей. Если же конь ещё упрямей, всё зависит от того, насколько хозяин его жаждет. Для неё в девяти из десяти случаев такого неприручаемого скакуна следовало прирезать — и дело с концом.

Однако если лошадь особо ценна, придётся приложить терпеливые, кропотливые усилия.

Даже самый строптивый конь когда-нибудь устаёт и слабеет. Всадник сначала борется с ним, потом хлещет и сечёт, чтобы ускорить усталость, а затем следует за ним, не приближаясь слишком близко. Когда конь наконец расслабится и изнеможет, нужно ухватить момент, резко крикнуть и ударить, заставив его в испуге броситься в бег. После многих дней и ночей такой гонки даже самый норовистый конь выбьется из сил, истощится телом и духом, после чего смирится и станет послушным.

Она считала, что Шангуань Ваньэр стоит того, чтобы попробовать её объездить. В конце концов, приручать человека не так хлопотно, как коня, — попытка не повредит.

Она сразу же пожаловала девочке титул Цайжэнь. Чтобы эта с детства обделённая роскошью девушка вкусила богатства, она нарочно давала ей лёгкие обязанности вроде личного прислуживания и передачи поручений. Девочка выросла в Дворце Етин, с малых лет хлебнув лиха, поэтому подвергать её тяготам сейчас было менее действенно, чем подождать, пока она взойдёт на высоты и привыкнет к роскоши. Она даже намеренно баловала ребёнка, часто на людях хвалила её таланты, желая взрастить в ней гордыню.

Чем больше наслаждаешься славой и богатством, тем труднее от них отказаться, — и тогда любая родовая вражда, любые принципы обращаются в прах, а важнее всего становятся личная выгода и власть.

Она растила её, как редкого скакуна, постоянно испытывая и проверяя, намеренно делая свой нрав перед ней непостоянным, но тщательно вымеряя степень. Она наблюдала за каждым жестом и выражением лица девочки, и чем больше наблюдала, тем увлекательнее казалась эта дрессировка, а чем увлекательнее, тем больше убеждалась, что этот ребёнок — подающий надежды материал.

Жаль только, что девочка.

Она сама была женщиной и отнюдь не считала, будто женщины от природы ниже мужчин. Но по её наблюдениям, женщины той эпохи часто оказывались слабее мужчин, легко погружались

в любовные томления и чрезмерно привязывались к богатству. Особенно девушки, воспитанные в знатных семьях. Семья, правила, чистая репутация, верность... всё то, что она презирала, они чтили как святыню.

Эту девушку она вырастила сама, и если хотела ею пользоваться, то требовала стопроцентной преданности. Шангуань Ванъэр должна была стать её человеком — с головы до пят, от тела до души.

Она решила применить метод объездки самого строптивого коня, чтобы подчинить себе Шангуань Ванъэр. Она собиралась полностью сломить волю этой девушки, пока та ещё не до конца созрела, чтобы та на всю жизнь прониклась к ней благоговейным страхом и никогда не посмела бы задумать измены.

Она как бы невзначай дала Ванъэр первые уроки, с удовлетворением видя, как та, словно обычная девица, забеспокоилась и начала метаться. Она внимательно следила за поведением девушки, спокойно выжидая, когда та начнёт искать связи на стороне. Однако Ванъэр день ото дня чахла и изнуряла себя, но так и не произнесла с мужчинами ни лишнего слова, даже с евнухами общаться не желала.

Стойкость этой девушки действительно превзошла её ожидания.

Но девушка оставалась девушкой: в семнадцать-восемнадцать лет, даже будучи выносливее сверстниц, она не могла сравниться с ней, которая десять лет терпела забвение в гареме Тайцзуна, а затем шаг за шагом взошла наверх в гареме покойного императора.

В конце концов она легко обнаружила её слабое место и несколькими фразами вызвала в ребёнке негодование и ропот. Единственное, чего она не учла, — это то, что «чистая репутация», которую ценила Ванъэр, оказалась совсем не той, о которой говорила она. Изначально она хотела, чтобы Ванъэр подписала указ о казни сановника. Неважно, кого именно казнить, — важно, что в указе преступления этого сановника уподоблялись преступлениям Шангуань И. Она намеревалась заставить Ванъэр как внучку подтвердить вину деда, чтобы в глазах света та окончательно предала род Шангуань и волей-неволей должна была перейти на её сторону.

Но так даже лучше.

<http://bllate.org/book/16278/1467023>